

Снаружи становилось всё темнее и хмурей — судя по всему, уже вечерело.

— Скоро ночь, долго ещё до города? — Каменщик Чжан высунулся из-под полога. Путь прошёл без серьёзных происшествий, но он отчаянно не желал оставаться в этой «проклятой повозке» ни минуты дольше. Чем скорее доберутся до города, тем скорее разойдутся.

— Скоро, наверное, — Цзян Шинин указал на снег за окном. — Смотри, с тех пор как выехали на эту дорогу, следов от колёс прибавилось. Значит, городские ворота уже близко.

Каменщик Чжан тоскливо взглянул на узел с припасами, сглотнул и, прижав руку к урчащему животу, скорчил гримасу:

— А в городе сможем передохнуть? Перекусить хоть? Я так оголодал, что аж сердце ноет.

Едва он это произнёс, как живот Лу Няньци тоже предательски заурчал.

— Ты тоже голоден? — спросил Цзян Шинин.

Лу Няньци, в ком юношеская гордость ещё не угасла, опустил глаза и отрезал:

— Нет, не я. — Но, хоть голос его звучал холодно и упрямо, кончики ушей уже заалели.

Сюэ Сянь, разминая затекшие от долгого сидения плечи и спину, лениво протянул:

— Снег всё равно не прекратится. Судя по небу, к ночи может и вовсе разыгаться. Да и повозка еле плетётся, так что разница — приедем чуть раньше, чуть позже — невелика.

Если уж самый привередливый из них высказался, значит, согласен.

Что до другого...

Цзян Шинин и остальные покосились на Сюань Миня, но тот и не думал открывать рот, что равносильно молчаливому согласию.

Примерно через час скорость повозки замедлилась, и впереди послышались смутные, нестройные голоса.

— Приехали! — Каменщик Чжан радостно потирал руки, будто упитанная муха.

Городок, через который они проезжали, назывался Хуачжи. Расположенный у реки и ближе всех к Переправе Гуаньинь, он, хоть и находился на самой окраине управы Аньцин, был довольно оживлённым. Правда, сам уезд был крошечным: чтобы обойти его из конца в конец, хватило бы и часа. Но даже в таком захолустье существовали свои правила.

Сюэ Сянь однажды уже бывал здесь и помнил, что в Хуачжи въезжающих проверяли строго. Слезть с коня или открыть дверь повозки было обязательным. Все приезжие, будь то проезжие или желающие задержаться на несколько дней, при въезде и выезде должны были записываться в специальную книгу.

Как он и ожидал, после нескольких коротких окликов караван остановился у городских ворот. Один из стражников с книгой в руках принялся обходить повозки, пересчитывая и записывая людей.

Когда он постучал в их дверь и заглянул внутрь, лица всех присутствующих моментально

искажила гримаса — на одной щеке стража был густо намазан чёрный снадобье, ещё одно пятно красовалось на тыльной стороне ладони, и от него исходил необъяснимый странный запах.

Сам стражник, должно быть, тоже чувствовал себя неловко из-за этого «украшения», поэтому проверял наспех, лишь на пару мгновений задержав взгляд на Сюань Мине, затем захлопнул дверь и махнул рукой, поторопив их въезжать.

— А почему он так на мастера смотрел? — недоумённо спросил Цзян Шинин.

— Кто его знает. Может, у него лицо недоброе, — Сюэ Сянь, кажется, чрезвычайно заинтересовался уличными видами за окном и, не оборачиваясь, ответил как попало.

Все присутствующие: «...» Самый здравомыслящий человек в этой повозке — это Сюань Минь, а этот ещё позволяет себе такие речи.

Шрамолицый и его спутники в конце концов оказались людьми совестливыми — довезли Сюэ Сяня и компанию прямо до входа в постоялый двор, и лишь тогда разошлись с ними.

Эта театральная труппа, судя по всему, очень торопилась, не желая терять ни мгновения, поэтому и не планировала задерживаться в уезде.

— Если понадобится нанять повозку, скажите хозяину постоялого двора. Уезд Хуачжи маленький, тут если балка с крыши упадёт, так из пятерых убитых трое окажутся друг другу родней. У хозяина связи, он вам повозку найдёт, только заплатите ему за хлопоты, — напоследок посоветовал шрамолицый.

Естественно, Сюэ Сянь и его спутники не собирались пользоваться их повозкой даром.

Но люди в этой труппе оказались со странностями — деньги брать наотрез отказались, заявив, что в последние дни одиннадцатого месяца они и за представления плату не берут, так с чего бы им брать за повозку. Цзян Шинин, единственный, кто мог толково изъясняться, долго с ними препирался, но так и не сумел всучить деньги.

В конце концов Лу Няньци тихо произнёс:

— Хватит тянуть. Когда-нибудь мы всё равно вернём.

Произнося это, он перебирал пальцами свои деревянные веточки, и выражение его лица стало загадочным, непостижимым.

— Ты... что-то предвидел? — спросили его.

Лу Няньци не стал отвечать, только сказал:

— В общем, долг не пропадёт.

Словам этого юного прорицателя даже Сюэ Сянь верил без особых сомнений, что уж говорить о Цзяне Шинине. Труппа попрощалась и, цокая копытами, направилась к городским воротам, вскоре скрывшись в ночной темноте.

Даже когда они устроились на первом этаже постоялого двора, собираясь заказать вина и еды, чтобы согреться, внимание Сюэ Сяня по-прежнему было приковано к улице.

— Что ты там всё разглядываешь? — поинтересовался Цзян Шинин.

— Много чего. Я бывал здесь раньше, — отозвался Сюэ Сянь. — Городок стал не таким оживлённым, как прежде, людей поубавилось. И ещё... видите, у каждой двери приклеены какие-то объявления?

— Какие объявления? Пойду посмотрю, — Каменщик Чжан, не любивший сидеть без дела, тут же юркнул за дверь постоянного двора и вскоре вернулся, таинственно прижимая что-то к груди под одеждой. Их столик стоял в стороне, за красной лакированной колонной, так что с других столов не было видно, что они делают.

— Не знаю, можно ли эти объявления срывать, но я у стены подобрал одно, оно само отклеилось и упало, — Каменщик Чжан вытащил листок и разгладил его на столе. — Смотрите-ка...

Пока он был на улице, в темноте и без прожег освещения, он не разглядел, что изображено на объявлении. Теперь же, развернув его, все за столом остолбенели, а затем уставились на Сюань Миня.

— Мастер, это... — Каменщик Чжан запнулся. — Как ты попал на казённое объявление? Ты... ты что натворил?

Сюань Минь тоже нахмурился, внимательно разглядывая портрет на листке.

— В Нинъяне разве не тот советник Лю принял мастера за человека с общерозыскного листа? — вспомнил Цзян Шинин. — Но ведь потом выяснилось, что ошибся?

Сюэ Сянь провёл пальцем по объявлению:

— Я тогда в Нинъяне специально взглянул на то объявление. На портрете, кроме того, что изображённый был монахом и у него на шее сбоку была родинка, не было ничего общего с этим лысым. Да и выглядел тот человек значительно старше.

Но теперь...

— Те общерозыскные листы, говорят, клеили уже почти месяц, — Сюэ Сянь потрогал бумагу. — А эта... на ощупь, будто только недавно напечатали.

И на этом листке портрет был слегка изменён: человек помолодел, черты лица подправили, и теперь он стал похож на Сюань Миня... ну, процентов на шестьдесят.

Само объявление было весьма странным: под портретом, кроме краткого описания примет и возраста, не было ничего. Ни слова о том, что совершил этот человек и зачем его так настойчиво разыскивают, лишь туманное «весьма опасен», и если кто увидит, следует немедленно сообщить властям для поимки живьём, самому не предпринимать ничего.

Цзян Шинин и остальные переглянулись, на миг застыли, а затем вновь склонились над портретом.

— Глаза у него уже, чем у мастера, — наконец выдавил Каменщик Чжан, стараясь найти и другие отличия. Помолчав, он ткнул пальцем в конец брови на рисунке:

— Вглядитесь, здесь точка — родинка вроде. А у мастера на этом месте ничего нет. И нос... нос

тоже как будто пониже.

Сюэ Сянь скосил глаза на ту самую «родинку» на конце брови — честно говоря, вполне могло быть, что у рисовавшего просто дрогнула рука.

А Цзян Шинин указал на текст под портретом:

— Не на картинку смотрите, вот тут. Тут ещё подчёркивается: «У сего монаха скулы высокие, кончик носа слегка крючковатый».

Едва он это произнёс, как восемь глаз устремились на скулы и нос Сюань Миня.

Сюань Минь: «...»

Ему было непривычно и неловко под таким пристальным, ничем не прикрытым взглядом, и он слегка нахмурился, что в сочетании с его и без того холодным лицом делало его ещё более неприступным.

<http://bllate.org/book/16289/1468076>